

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

МОЙ СУЖЕНЫЙ,
МОЙ РЯЖЕНЫЙ

Москва

ТБ

**ЧИТАЙТЕ ЧУВСТВЕННЫЕ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ БОЧАРОВОЙ:**

Скрипачка

Соло для влюбленных

Возьми меня с собой

Мой суженый, мой ряженный

Во сне и наяву

Пианистка

Кормилица по контракту

Миг счастья ускользающий

Стена плача

Ромео должен повзрослеть

Последний вечер встречи

Женщина в лунном свете

Спаси меня, пожалуйста!

Дом без привидений

Старшая подруга

Черное облако души

Генетическая ошибка

Герой чужого романа

Семейная идиллия

Трефовый интерес

Восстание Феникса

Круиз по краю ада

Планета лжи

Проклятье Снегурочки

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

**МОЙ СУЖЕНЫЙ,
МОЙ РЯЖЕНЫЙ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Дурасова*

Бочарова, Татьяна Александровна.
Б86 **Мой суженый, мой ряженный :** роман / Татьяна Бочарова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-216576-4

Они такие разные. Она — студентка последнего курса технического вуза, волевая и целеустремленная, привыкшая все делать по плану. Он — лодырь и разгильдяй, с трудом окончивший колледж. Она мечтает о научной карьере, а он не ставит перед собой никаких целей. Общее у них лишь имя: она — Женя Зиминая, он — Женька Карцев. И никогда бы их пути не пересеклись, если бы не молодежный любительский хор, в который привела Женю институтская подруга Люба. Девушка и сама не может объяснить странную симпатию к замкнутому угрюмому парню, который либо молчит, либо колко и безжалостно язвит, однако сердцу не прикажешь. Если бы она только знала, как эта страсть перевернет всю жизнь, поставив ее перед жестким выбором...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216576-4

© Бочарова Т., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

1

— Вот это загар! Класс! — Люба, не отрываясь, восхищенно гладела на Женю. — Везет же некоторым! А ты, сколько ни натираешься всякими кремами, ни торчишь на солнце, все равно остаешься бледной поганкой.

Женя посмотрела на подругу с улыбкой. Люба была блондинкой с медным отливом и, как большинство рыжеволосых людей, имела молочно-белую кожу, которая под воздействием ультрафиолета в худшем случае моментально сторала, а в лучшем просто покрывалась россыпью золотистых веснушек. В отличие от нее, смуглянка Женя загорала замечательно: ровно, красиво, без ожогов и красноты, при этом практически не используя никакой пляжной косметики.

— Что ж ты хочешь, это Евпатория, — попыталась она утешить Любу, но та лишь досадливо отмахнулась:

— Да что мне твоя Евпатория! Я тоже не в Антарктиде была, а в Египте, и вот, полюбуйся! — Люба вытянула перед ее носом подернутые нежным пушком девственно белые руки. — Смотреть противно, сметана, да и только.

— Не расстраивайся. Лучше расскажи, как ты отдохнула в своей Хургаде.

Люба оживилась и открыла было рот, но в это время к остановке, на которой стояли девушки, подъехал трамвай. Вагон оказался набитым до отказа. Любе и Жене пришлось поработать локтями, чтобы попасть внутрь. В салоне стояла жуткая духота. Путь подругам предстоял неблизкий, поэтому они потихоньку протиснулись подальше от дверей, к раскрытому окошку.

— Боже, так и задохнуться недолго. — Люба достала из сумочки крепко надушенный платочек и принялась энергично обмахивать разгоряченное лицо. — Так о чем я? Ах да, о Хургаде. Было классно. Отель пять звездочек, все включено, рядом бассейн, внизу ресторан, бильярдная, танцзал. Дискотеки всю ночь напролет, до самого утра. Я там познакомилась с обалденными парнями: двое голландцев и один турок.

— Турок? В Египте? — Женя весело рассмеялась.

— Да, турок! Хорошенький, просто загляденье, глаза огромные, черные. А ревнивый, жуть! Тарканчиком его звали. Такая у нас с ним любовь была, закачаешься! Потом, правда, он уехал.

— Куда?

— В Стамбул. Невеста там у него. Их родители в пять лет обручили, послушаться нельзя — проклянут. — Люба горестно вздохнула и тут же задорно расхохоталась. — Вот так и отдыхала, Женюрочка. Теперь твой черед, рассказывай!

— Да что рассказывать? — Женя пожалла плечами, придвигаясь ближе к окну, из которого неслась заветная прохлада. — У меня все гораздо более прозаично. Жила у тетки. Ее дом в ста метрах от моря. Жара там страшная, в шесть утра солнце уже вовсю шпарит. Спать невозможно, приходилось вставать. На завтрак абрикосы в саду собирала или черешню. Намою, положу в банку — и на пляж. Там в такую рань благодать, нет никого.

— Так это ж скука смертная, когда никого, — встряла Люба.

— Наоборот, — возразила Женя. — Не люблю, когда кругом суета. Да и море с утра чистое, в воду заходить одно удовольствие. Я часок-другой поплаваю — и назад, к тетке. Возьму конспекты, учебники и засяду с ними в беседке, там тень, прохлада. До обеда не заметишь, как время пролетит.

Люба глянула на Женю, как на тяжелобольную, и покрутила пальцем у виска.

— Ты что, на юг учебники брала?

Та невозмутимо кивнула.

— И учебники, и прошлогодние рефераты. Не забывай, что нам предстоит диплом. Ты, кстати, выбрала тему?

— Еще чего! — Люба презрительно наморщила аккуратный носик. — На отдыхе голову всякой ерундой забивать! Мне было не до этого. И вообще...

Женя слушала подругу спокойно, слегка прищутив зеленовато-карие глаза. Дождалась, пока та закончит, тряхнула головой, откидывая роскошную гриву блестящих темных волос, и произнесла задумчиво, но в то же время твердо:

— Это ты найдешь.

— А ты? — встрепенулась Люба.

— А я и искать не буду. У меня другие планы.

— Какие? — ревниво поинтересовалась та.

— Остаться на кафедре. Начать работу над кандидатской.

А там видно будет.

Люба хотела было что-то возразить, но передумала. Ее оставил веский и решительный тон подруги. В глубине души она завидовала Жене: ее целеустремленности, способности иметь свое мнение, не подстраиваться под других, спокойной и вместе с тем непоколебимой уверенности. И конечно же, ее красоте, хотя сама Люба была отнюдь не дурнушка.

Они с Женей дружили с первого курса и отлично смотрелись вместе — стройные, высокие, у обеих правильные черты лица и длинные волосы, только масть разная. Кавалеров у них было великое множество, — у Жени, впрочем, больше, чем у Любы, но она относилась к ним прохладно, охотней интересуясь лекциями и семинарами. А Люба быстро загоралась и так же быстро остывала, влюбляясь по три раза в год и столько же разочаровываясь в предмете своих воздыханий. Да, они разные, как говорится, «стихи и проза, лед и пламень», и все-таки всегда были вместе. Как и сейчас, встретившись по обыкновению на остановке у метро «Полежаевская», откуда до их института ходил трамвай.

Разговор, до этой минуты текший живо и непринужденно, сам собой иссяк. Обе девушки замолчали, думая каждая о своем. Женя — о том, что подруге легко рассуждать: в институт она по-

шла безо всякого интереса, просто потому, что так решил ее отец. Он же оплачивал Любе репетиторов, которые подтягивали ее перед сессиями, снабжал заграничными путевками и шикарными шмотками, и, без сомнения, он уже держал на примете подходящего кандидата на роль ее мужа.

Женя была напрочь лишена такого надежного тыла. Ее отец ушел из семьи, когда ей исполнилось тринадцать. Его уход был как гром среди ясного неба. Он молча собрал вещи, потом так же молча вышел в кухню, где, повалившись головой на стол, рыдала Женя, и осторожно обнял ее за плечи.

— Прости, дочка. — Голос его звучал глухо и простуженно.

Она дернулась, сбрасывая с себя его руку, и резко выпрямилась, отвернув к окну мокрое лицо.

— Прости, — повторил отец, помолчал немного, затем прибавил совсем тихо: — Я не перестану тебя любить. Просто буду жить в другом доме.

— Почему? — шепотом спросила Женя, прижимаясь лбом к холодному стеклу.

— Потому что... я не могу без нее. Без Инги. А она не может без меня. Так уж вышло, и ничего с этим не поделаешь, пичужка.

Она едва заметно кивнула и вытерла слезы, но заставить себя обернуться так и не смогла — продолжала сидеть спиной к отцу, до боли впившись пальцами в подоконник. Он постоял еще минуты три, а потом Женя услышала тихий скрип половиц. Хлопнула дверь.

Она не могла простить его почти два года. Если он звонил, бросала трубку, приходил — запиралась у себя в комнате, врубая на полную мощь стереоколонки. Мать постепенно смирилась и перестала страдать, а Женя — нет. Стоило кому-то из родственников или друзей упомянуть об отце, она превращалась в дикую кошку. Ей казалось, она его ненавидит.

Потом, годам к пятнадцати, ее сердце смягчилось. Пришла первая любовь, а вместе с ней понимание того, что произошло с отцом. Женя уже не бежала от телефона, а по воскресеньям

отец забирал ее к себе на весь день. Она познакомилась с его Ингой — та действительно была красавица из красавиц, в такую кто угодно влюбится до безумия. Да к тому же моложе отца на целых пятнадцать лет.

Они с Женей даже подружились: обсуждали шмотки, косметику, модные диски. Инга научила ее грамотно краситься, готовить настоящий итальянский «капучино» и ухаживать за волосами, чтобы они всегда выглядели потрясающе. В общем, все шло совсем неплохо.

Как-то осенью отец позвонил и сказал, что достал билеты в Большой, на «Аиду». Это была любимая Женина опера. Ей хотелось хлопнуть в ладоши от радости, но вместо этого она сдержанно поблагодарила отца и ревниво поинтересовалась:

— Мы вместе с Ингой пойдем?

Тот усмехнулся.

— Нет, вдвоем.

— Только вдвоем? Не может быть! Папа, ты супер!

Отец снова усмехнулся, как показалось Жене, с грустью.

Она готовилась загодя. Продумала наряд, купила новую помаду, дорогие колготки. На всякий случай перечитала либретто оперы, хотя знала его наизусть. Вечером накануне спектакля позвонила Инга.

— Жень, отец не сможет пойти с тобой. Придется мне. Не возражаешь? — Она старалась говорить бодро, но голос предательски звенел.

Женя почувствовала неладное. Во рту у нее пересохло, руки мигом оледенели.

— Что случилось?

— Ничего страшного. Ты только не волнуйся. Просто аппендицит. Обыкновенный приступ, с кем не бывает. Вот только, жаль, некстати. — Инга нервически хихикнула.

— Где он? — запинаясь, спросила Женя.

— В больнице. Час назад его прооперировали.

— Я поеду к нему.

— Нельзя. Сейчас пока нельзя. Он в реанимации. Что-то неладное с кровью. Врачи говорят, это пустяки. Так бывает. И очень часто. — Инга говорила быстро, почти тараторила, словно хотела убедить саму себя в том, что ничего дурного не происходит, все в полном порядке. От ее сбивчивой скороговорки отчетливо веяло ужасом.

— Ты из дому звонишь? — спросила Женя.

— Нет. Из приемного.

— Я все-таки приеду. Скажи адрес.

Инга послушно назвала станцию метро и улицу. Она быстро записала, повесила трубку, обернулась и вздрогнула: рядом стояла мать.

— Поехали вместе. Я знаю, где это.

Они ничего больше не сказали друг другу. В полной тишине оделись, заперли пустую квартиру. Потом так же молча ехали через весь город. Женя искоса смотрела на мать, силясь уловить в ее лице следы тревоги, но та выглядела спокойной. И Женя тоже успокоилась, решив, что Инга по молодости и неопытности сгустила краски.

Отца она больше не увидела. Он умер в тот же вечер — после операции образовался тромб, закупоривший сосуд. До самой смерти он находился в сознании, но к нему никого не пустили: ни Женю, ни ее мать, ни рыдающую, обезумевшую от горя Ингу.

После его смерти Женя мучительно вспоминала их последний разговор по телефону. Свой глупый и жестокий вопрос по поводу Инги. Горечь в отцовской усмешке. Она должна была успеть сказать, что простила его. Должна была успеть! Но не успела. Вместо этого продемонстрировала в очередной раз, что по-прежнему ревнует его и злится...

...Женя прервала поток грустных воспоминаний и глянула в окно: они почти приехали, их остановка была следующей. Она потормошила разомлевшую от духоты, сонную Любу.

— Хватит мечтать. Пора пробираться к выходу.

Та кивнула и двинулась вперед.

Вагон плавно затормозил, девушки сошли на тротуар, с облегчением вдыхая свежий воздух.

— Сколько времени? — спросила Люба, доставая из сумочки пудреницу.

— Половина одиннадцатого.

— Наши небось уже все в сборе. Сейчас глянем, к кому нас распределили на преддипломную, и поедем тусить.

Списки с распределением на практику должны были вывесить еще вчера, и Женю очень занимал вопрос, к кому она попала. Хорошо бы — к Носову или Григорянцу. Оба считаются отличными преподавателями. Григорянц, правда, совсем молодой, но тем не менее очень перспективный. По прикладной математике Женя одна из самых сильных в группе, по идее, он должен быть не против курировать ее. А Любку наверняка запихнут к Перегудовой — ей вечно сваливают двоечников, благо она все равно две недели из четырех ежемесячно проводит на больничном.

Размышляя подобным образом, Женя вошла вслед за подругой в институтский дворик. Неподалеку от крыльца курила компания парней. Один из них, долговязый и лохматый очкарик, приветственно помахал им рукой.

— Ну, наконец-то! Что так долго? Мы вас заждались.

— Трамвая не было, — весело объяснила Люба, подходя ближе. — Здорово, Костик!

Она и лохматый расцеловались в щечки. Затем Люба чмокнула поочередно всех остальных парней. Долговязый Костик горячо обнял Женю.

— Выглядите блестяще. Хоть сейчас на подиум. Как отдыхалось?

— Хорошо. — Женя сдержанно улыбнулась. — Вы списки видели?

— Да. Я у Носова. Пашок с Гогой у Григорянца. Любашка и Соня у Перегудовой.

— Так я и знала! — недовольно протянула Люба. — Как всегда, подфартило.

— Да ладно тебе, — утешил ее румяный, светловолосый толстяк. — Перегудова совсем неплохая тетка и работой перегружать не будет. Моя сеструха у нее курсовую писала, осталась довольна. Правда, она на девятом месяце была. — Толстяк захохотал, довольный своей остротой, и облапил Любу пониже талии. Та добродушно усмехнулась и скинула его руку.

— Заткнись, Вовик, а то в лоб дам.

— А я у кого, не видел? — спросила у Костика Женя.

Тот пожал плечами.

— Точно не у Носова. У него всего трое — кроме меня еще Никита и Галка Соболева.

— Может, у Григорянца?

— Не помню. Чем гадать, сбегай да посмотри. Потом возвращайтесь, сходим в кафешку.

— Правда, пошли. — Люба, которой надоело отбиваться от липнувшего к ней Вовика, ухватила Женю под локоть и потащила к лестнице.

Девушки поднялись на третий этаж, где находился деканат. На щитке висели отпечатанные на компьютере листки с фамилиями.

— Ну вот, гляди. — Люба принялась водить пальцем по строчкам. — Паршин, Непомнящий, Кудинов — у Чибисова. Шарاپов, Соболева, Романов — у Носова... Анисимова, Чакина, я то есть, — у Перегудовой. Литовченко, Мирзоев — у Григорянца. — Она дошла до конца страницы. — Здесь тебя нет. Посмотрим дальше.

Женя внимательно изучала оставшиеся листки. Перед ее глазами одна за другой мелькали знакомые фамилии, однако отыскать среди них свою ей никак не удавалось. Она прочла списки до конца.

— Странно. Меня здесь нет.

— Может, проглядели? — предположила Люба. — Давай по новой.

— Давай, — согласилась Женя.

Они просмотрели списки еще раз, для верности проговаривая фамилии вслух. Результат оказался тот же.

— Не нравится мне это, — задумчиво проговорила Женя.

— Не пори горячку, — успокоила ее Люба. — Зайди к декану и спроси, где они тебя потеряли. Наверняка ты тоже у Григорянца — тебе ведь этого хочется?

Женя промолчала и решительно толкнула тяжелую дверь. Декана на месте не оказалось, зато в кабинете была замдекана Мурашова, симпатичная и довольно молодая женщина, прозванная студентами Мурашкой.

— Здравствуйте, Наталья Леонидовна, — поздоровалась с ней Женя.

Мурашка приветливо улыбнулась.

— Здравствуйте, Зими́на. Выглядите отдохнувшей.

— Вы тоже.

Мурашка ничуть не обиделась на Женину фамильярность и, продолжая улыбаться, поинтересовалась:

— Вы что-то хотели?

— Да. Узнать, почему меня нет в списках.

— Как нет? — Тонкие брови Мурашовой удивленно взлетели.

— Так. Мы с Чакиной два раза просмотрели.

Мурашка на мгновение задумалась, кивнула и проговорила, обращаясь будто к себе самой:

— Ну да. Ясно. Яков Борисович просто решил не афишировать.

— Не афишировать — что? — Женя в недоумении уставилась на замдекана.

Лицо той сделалось серьезным.

— Видите ли, Зими́на, в чем дело. Вы ведь знаете, что ваши прошлогодние курсовые подписывал профессор Столбовой?

— Да, знаю. Но какое это имеет отношение?

— Сейчас поймете. — Мурашова подошла поближе к Жене и остановилась, глядя на нее в упор. — Столбовой заинтересовался вашей работой. Весьма заинтересовался! Он назвал ее лучшей

на всем потоке. И это еще не все. Он выразил желание лично руководить вашей преддипломной практикой, а впоследствии и дипломом.

Женя слушала Мурашку затаив дыхание. Она не могла поверить, что все происходит в реальности, а не во сне. Ее курсовой заинтересовался сам Столбовой! Маститый профессор, автор множества научных книг и методик, широко известный за границей, много лет преподающий в университете и два года назад параллельно с этим возглавивший кафедру прикладной математики у них в институте! Он предлагает руководство дипломом! Ей, ничем не примечательной студентке, девчонке! Да быть этого не может!

Мурашка молчала, наслаждаясь произведенным впечатлением. Жене наконец удалось овладеть собой.

— Вы шутите, — проговорила она, сверля замдекана пристальным взглядом.

— Нисколько. Завтра в двенадцать вам нужно быть на кафедре. Столбовой будет вас ждать. Честь высокая, но нужно оправдать ее. Так что старайтесь, Зимица. Вы ведь девушка серьезная.

— Да, да, конечно, — пробормотала Женя, чувствуя, как лицо и шею заливают жар, — я буду стараться. Спасибо. — Она резко развернулась и почти вылетела из кабинета.

— Ну что, узнала? — тут же набросилась на нее Люба, ждавшая за дверью. — Да что с тобой! Ты вся красная как рак.

— Угадай, к кому меня распределили! — потребовала Женя, скрестив на груди руки.

— Неужели к Перегудовой? — изумилась Люба.

— К Столбовому!

— Чего ты мелешь! Столбовой не ведет дипломников.

— Теперь ведет. Завтра я должна быть у него на кафедре.

— Мама мия! — Люба всплеснула руками. — Что творится! Бедная твоя головушка! Мы ж тебя теперь не увидим.

— Почему это? — удивленно проговорила Женя.